

Несколько слов о дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Болдин Владимир Алексеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Особое внимание к изучению славянской проблематики в отечественной науке далеко не случайно. Близость языков, культур, исторических судеб ставит славянские исследования особняком в области различных междисциплинарных подходов. Не является исключением и исследование, проводимые в рамках политической науки, зачастую стремящиеся объяснить многие социально-политические и экономические феномены, происходящие в славянском мире. Столь сильный интерес именно к политической повестке дня вполне закономерен, ведь зачастую социально-экономические и политические события, происходящие в славянском мире, оказывают существенное влияние на общеевропейский, а порою и общемировой политический процесс в целом, изменяя не только геополитический ландшафт, но и во многом всю систему международных отношений.

Одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной и зарубежной науке является вопрос о сущности такого феномена как «панславизм» [1], и, в частности, об его влиянии на многие социально-политические события европейской истории. Некоторые исследователи, утверждая изначальную несбыточность и утопичность взглядов панславистов, заявляют о том, что изучение данной идеологии не представляет научного интереса. Однако подобные выводы, на наш взгляд, крайне необоснованны. Несмотря на то, что нельзя утверждать о единстве взглядов всех сторонников славянского единения, [2, с.94-119] идеи панславизма постоянно актуализировались в зависимости от изменений исторического контекста, и их жизнеспособность подтверждается тем, что зачастую современные политики, журналисты, общественные деятели и писатели до сих пор оперируют категориями дискурса панславизма. В частности, существует мнение, что «современный панславизм» вполне укладывается в проект евроинтеграции, уже объединивший эгидой Европейского союза 6 из 13 славянских государств.

Одна из главных дискуссий по поводу идеологии панславизма разворачивается относительно эволюции панславизма в начале XX века. В отечественной науке четко прослеживается следующая дихотомия - в начале XX века панславизм качественно переродился в совершенно новое идейно-политическое течение неославизм, на корню порывавшее с взглядами предыдущих поколений российских панславистов. Российский исследователь З.С. Ненашева отмечает: «Неославизм — это общеславянское движение, появившееся на арене большой политики в начале XX века. Лидеры и сторонники этого движения пытались сформулировать наднациональную общеславянскую программу. В её основу была положена идея славянской общности как интегрирующей силы, призванной обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства в качестве своеобразной этнополитической и этнокультурной общности» [3, с.60] .

По мнению З.С. Ненашевой концептуальным отличием неославизма было то, что сторонники «нового славянского мировоззрения» стремились «отделить сотрудничество славянских народов в сфере культуры и экономики от политических связей, найти подходы

к решению наболевших вопросов - польского и македонского, при непосредственном участии славянской политической элиты и на провозглашенных ею началах равноправия» [4, с.131-133]. Более того, Ненашева скорее склонна полагать, что неославизм как идеология зародился в кругах чешской национальной буржуазии.

В недавнем исследовании другой отечественный исследователь О.В. Павленко приходит к оригинальному выводу, что панславизм по своей сути есть «европейский феномен». Автор разделяет точку зрения американского историка Л. Снайдера на то, что панславизм был проявлением «макронационализма в Европе». Павленко подчеркивает, что «истинный панславизм» зародился скорее в западнославянских странах, пытавшиеся с помощью идеологии «всеславянства» решить свои собственные национальные задачи, «компенсируя сознание собственной малочисленности уже тем, что за ними стоит сила 80-ти миллионного славянства». Павленко приходит к заключению, что панславизм в XIX - XX вв. в России и других славянских странах развивался разными путями. «Его adeptов объединяла лишь идея исторической общности славянских народов и особой цивилизационной миссии славян в европейской истории. «Истинный панславизм», «имперский панславизм» (преобладавший, по мнению Павленко, в российской социально-политической мысли - ВБ.), «имитационный панславизм», «австрофильский панславизм» различались по целям, интересам, ценностным ориентирам, геополитическим мотивам и социальным коммуникациям» [5, с.15]. Именно *концептуальные* отличия в трактовках панславизма, а также «острая конкуренция между различными славянскими центрами» в принципе не позволяют, по утверждению Павленко, говорить о преемственности или идейной гомогенности панславизма.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее удачное представление о соотношении понятий «панславизм-неославизм» было дано в недавнем исследовании А.А. Григорьевой. Автор пишет: «“Камнем преткновения” в понимании сущности славянской идеологии является также вопрос о разграничении понятий “панславизм” и “неославизм”. В отечественной и зарубежной исторической науке принято считать, что к началу XX в. панславянская идея трансформировалась в “неославизм”, который стал формой размежевания славянского движения на рубеже XIX-XX вв. и ранних российских славянофилов и панславистов» [1, с.45]. Тем не менее, проанализировав социально-политические взгляды сторонников неославизма в России, Григорьева пришла к интересным выводам. Во-первых, взгляды неославистов были крайне неоднородны. Многие из тех, кто самоидентифицировал себя с этим движением в открытую признавали себя последователями отечественных традиций панславизма (например, Ламанский или Данилевский), а в неославизме видели продолжение «истинного славянофильства». Во-вторых, нельзя говорить о том, что все неослависты отказывались от политических целей и задач, стремясь придать движению аполитичный характер. Таким образом, «речь шла не о трансформации, а лишь о расширении в начале XX в. средств достижения славянского единства. Поэтому отрицание преемственной связи «неославизма» с предшествующими течениями прославянской направленности, равно как и лишение его политического содержания, вряд ли соответствует действительности и является научно корректным» [1, с.46-47].

Схожего мнения придерживается и отечественный политолог Б.А. Прокудин, в своем исследовании, посвященном идее славянского единства в политической мысли России, утверждая, что нельзя проводить четкую линию демаркации между панславизмом в XIX и в начале XX века. «Идеологи славянского единства в последнее десятилетие XIX - начале XX в. вернулись к тому, с чего начинали “первооткрыватели” славянского мира, ученые слависты первой половины XIX в. — к деятельности по укреплению культурных связей «всех славянских народностей», к “культурному панславизму”» [6, с.104].

В заключение хочется отметить, что, несмотря на все отличия, существовавшие во

взглядах сторонников панславизма, можно сказать, что эволюция идеологии панславизма в начале XX века была обусловлена изменениями социально-экономического и исторического контекста, и во многом переход к неославизму был вынужденной мерой, ведь в новом мире «господствующего капитала», оперирование старыми идейными концептами эпохи модерна было уже попросту невозможно.

[1] В данной работе панславизм понимается как «идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей». См.: [8, с.11]. См. также: [7, с.22-38]; [9, с.85-110].

Источники и литература

- 1) Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013.
- 2) Гудков А.В., Ширинянц А.А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94-119.
- 3) Ненашева З.С. Братья славяне // Родина. 2006. №4. С.60-63.
- 4) Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. №1. С.131-133.
- 5) Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5 3-15.
- 6) Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007.
- 7) Ширинянц А.А. Из истории панславизма: М.П. Погодин // Роман-журнал XXI век. Путеводитель русской литературы. 2006. №12. С. 22-38.
- 8) Ширинянц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. Ширинянца А.А., перевод на хорватский язык — Сабина Фолнович. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010.
- 9) Ширинянц Александр, Мирикова Анна. Русофобский мит на «панславизма» // Политически изследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85-110.